

Здравствуйте, граждане начальники!

КОРРЕСПОНДЕНТ «ВП» ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПРОВЕЛ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

После целой череды бунтов в колониях и тюрьмах Петербурга и Ленинградской области за решеткой стало спокойнее. Зоны поменяли масть с «черных» — тех, где заправляет криминалитет, — на «красные», где власть находится в руках администрации. Надо сказать, что в нашем регионе для этого пришлось провести серию кадровых решений, почти полностью поменять руководство верхнего, среднего и низшего звеньев пенитенциарной системы.

Корреспондент «ВП» решил узнать, что сейчас происходит за бетонными заборами с колючей проволокой. И посетил исправительную колонию №5 (ИК-5) в поселке Металлострой. Кстати, даже сам факт, что журналист смог отправиться туда на репортаж, говорит о коренных переменах в системе. Прежде это было практически невозможно.

СИДИ И ТРУДИСЬ

У входа нас встретил заместитель начальника колонии по кадрам и воспитательной работе Дмитрий Дробышев. Оставив на КПД документы и мобильные телефоны, мы прошли через решетчатые «шлюзы» и оказались в колонии. Территория там делится на автономные зоны — жилую, производственную, административную и т. д. Кстати, отсюда и пошло именование колоний зонами.

Мы же сразу попали в производственную часть — широкие проезды, перемежающиеся цеховыми сооружениями. Попросили показать цеха. В первом делали упаковки для яиц. Все рабочие, в том числе и начальник производства, — из осужденных. Как только мы вошли, группа парней в робах, обждавших какой-то процесс, обернулась и хором протянула: «Здра-а-авствуйте, граждане начальники».

СПРАВКА «ВП»

Жизнь за решеткой — быт, работу, досуг как осужденных, так и работников исправительных учреждений — определяют правила внутреннего распорядка, иначе ПВР. Прописано все — когда мыться, когда бриться, когда пишу принимать, как здороваться. И в карантине, куда на первые две недели поступают новоприбывшие для прохождения медосмотра и для распределения по отрядам (читай — объектам производства), ПВР — первое, что работники колоний должны донести до контингента.

Следующее производство — мебельное. Все как на любой фабрике. Корпусная и массив. Главный инженер, конструкторы нанимаются с воли. В статусе мастеров и бригадиров уже осужденные. Распиловочный, сборочный цеха. Обойти все цеха за один день практически невозможно. Их более тридцати. Здесь и собственное производство, и организованное контрагентками. Металлообработка, деревообработка, швейные мастерские и многое другое.

СПРАВКА «ВП»

Виды наказаний за преступления меняются вместе с государственными политиками. До 1997 года в России колонии назывались исправительно-трудовыми. С точки зрения обывателя, осужденные в них обязаны были работать. А в трактовке Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) название диктовало обязанность администраций зон обеспечивать всех осужденных работой. Потом колонии стали называться просто исправительными. Трактовки опять же две. Обычные люди полагают, что сейчас эски находятся на полном обеспечении налогоплательщиков. А сотрудники пенитенциарной системы объясняют, что на некоторых зонах, особенно удаленных от цивилизованных мест, открыть производство просто невозможно и, соответственно, с них объективно снята обязанность предоставлять эски работу. В этом году руководство ФСИН решило, что к 2020 году две трети колоний, где сейчас сидят преступники с серьезными статьями, станут тюрьмами, массовый труд в которых просто не предусмотрен. Осужденным с «легкими» статьями останутся колонии-поселения.

Тут был развенчан устоявшийся миф, что спецконтингент сидит на шее налогоплательщиков. Как рассказал корреспонденту «ВП» начальник центра трудовой адаптации осужденных Максим Шишкин, все заключенные, чем бы ни были заняты, получают зарплату, а в их зарплатах несколько статей расходов. Приоритетная — эски, которые предъявляют потерпевшие. Если эски нет или они оплачены,

то деньги взимаются за питание, вещевое обеспечение и т. д. То есть те, кто работает, частично компенсируют государству затраты на свое содержание. И третья статья. Какими бы ни были эски, 25 процентов заработка все равно остается на счетах осужденных. Эти деньги они могут копить к освобождению или отовариваться в магазине на территории колонии необходимыми и разрешенными продуктами и товарами.

Не работают инвалиды. И еще ряд осужденных — по разным причинам. У одних все из рук валится, и им ничего не поручить. Для других просто нет вакансий. Эти объединены в отдельный отряд.

СПРАВКА «ВП»

Отряд — своеобразное административное деление жилой зоны колонии. Осужденные зачисляются в отряд на весь период нахождения в учреждении. Решение о распределении осужденных по отрядам принимается в карантине с учетом их личностных особенностей и относительно выбора места работы или учебы. В ИК-5 15 отрядов. Если буквально, то один отряд — это один барак, руководство населением которого осуществляет начальник отряда.

Ансамбль «Балтика» — главный герой всех «красных» дат календаря.

— Да, рецидивистов здесь нет, в основном первоходки. Поэтому вероятность того, что здесь они, согласно мифологии, распространенной на воле, окончательно и навсегда попадают в преступную среду, крайне мала. Но это все-таки преступники. Вон, видите, осужденный от камеры отворачивается? Это квартирный мошенник. Несколько эпизодов ему вменили. Следствие уверено — не все. Но это тоже частный случай. Общая же картина воистину страшна. Героин. Он умеет ждать...

— В смысле?

— Большинство осужденных наркоманы, ВИЧ-инфицированные. Да, они пережили ломки в СИЗО, провели здесь несколько лет без наркотиков. Но, возвращаясь на волю, они попадают в то же окружение, которое подвело их к преступлению. Друзья, подруги. Радость встречи. А на кармане — заработанные здесь деньги, которые есть куда потратить. Опять наркотики, опять преступления. Даже если преодолеть первые соблазны... Судимость — клеймо, от которого очень сложно избавиться. И большинству из нашего контингента жить на воле сложнее и страшнее, чем за решеткой. Отец одного освобожденного приходил недавно. Заберите его обратно, говорит, когда он здесь, и ему, и мне лучше. Так что здесь они просто ангелы. Особенно когда начальство рядом. Хотите посмотреть отряды? Вы удивитесь.

МЯСО ЕСТЬ

Мы и в самом деле удивились. Сейчас бараки приводятся к новым стандартам. Если до сих пор полсотни двухъярусных коек в одном помещении считались нормой, то теперь руководство требует уменьшить количество осужденных в спальном помещении. И в 1-м отряде новые нормативы уже реализованы. Койки опять же двухъярусные, но кубрики

Несмотря на то что современное законодательство не обязывает никого, в том числе и осужденных, трудиться, в ИК-5 работают почти все. Если не на производстве, то по хозяйственным нуждам. В прачечной, дежурными в жилых зонах, дворниками, уборщиками, пожарными. Да-да, не удивляйтесь. В колонии собственная пожарная часть — два расчета из осужденных, две машины. И все получают за свою работу деньги. От пяти тысяч рублей в месяц. И поскольку работа везде сделанная, верхняя планка не определена. Средняя зарплата около семи-восьми тысяч рублей. Но можно получать и пятнадцать.

Режим обязывает ходить строем.

«Отпускники» могут пользоваться этой компактной баней.

— К чему готовитесь?

— Да праздники скоро. Вот 27 ноября День матери будет. Разучиваем песни соответствующие.

— А собственные песни есть?

— Есть. Две. Но мы их еще не репетировали.

— Как группа-то называется?

— Хотели взять название «Запрещенная реальность», но Дмитрий Владимирович не позволил. Называемся «Балтика».

— Ну, успехов вам.

ПУТЕШЕСТВУЙТЕ С НАМИ

Дмитрий Владимирович после поясний, что все это — быт, работа, досуг, образование, спорт — в комплексе называется системой социальных лифтов:

— У нас тут и кабельное телевидение, и газета есть. Осужденные сами передачи снимают и статьи пишут. Вот один, мошенник, на воле человек обеспеченный, поехал по разным странам и теперь описывает их в своих статьях. Контингент с удовольствием читает, поскольку многие, кроме дворов в спальнях районах, ничего не видели. Все это влияет. Хороший показатель — количество решений по условно-досрочному освобождению.

Здесь и религия свою роль выполняет.

Кстати, храм колонии — церковь Священномученика Вениамина, митрополита Петроградского была первой в России в исправительном учреждении. Ее патриарх освятил.

И снова вопрос к Дмитрию Дробышеву:

— Где религия, там и патриотизм. Где патриотизм, там национализм. Я знаю, у вас скинхеды тут сидят. И мигрантов видел. Межнациональных конфликтов не бывает?

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

— Да нет, что вы! Им здесь не до этого. Даже попыток не было. Тут режим, да и других забот хватает.

Даже клеить этикетки на коробки лучше, чем ничего не делать.

В колонии производят добротные изделия для офисов и разного рода учреждений. Здесь и профессорские кафедры, и каталожные шкафы, мебель для школ, раскрашенная и сюжетная мебель для детских садов, театральные складные стулья.

Корреспондент «ВП» прошел мимо их локалки (локальная зона одного отряда). Около двадцати человек топтались на площадке перед баракком. Говорят, что так они целыми днями и топчутся, если, конечно, нет каких-нибудь режимных мероприятий. Наверное, на «черной» зоне они были бы элитой. Здесь? Не знаю. Но точно не элита.

НА ВОЛЕ СТРАШНЕЕ

Это подчеркивает, что колония все-таки несет провозглашенную исправительную функцию. Но, как пояснил Дмитрий Дробышев, не все так красиво:

есть. И иногда даже получается. А другой руководил нашим ансамблем. За год до освобождения пришел и просит: «Определите меня в гараж». Зачем, спрашиваю. «Да я не умею ничего, на учебу сразу не пошел, а уже поздно, а так выйду на волю, хоть что-то буду уметь». Кстати, хотите музыку послушать?

И нас повели в клуб. На сцене классическая рок-группа. Правда, несколько странно было слушать песню «Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом». Но ребята старались. Поговорили с солистом.

Кроме работы в колонии еще можно получить и образование. В ИК-5 1642 осужденных. 182 человека обучаются по школьной программе, которую пропустили на воле. 278 человек учатся в профессиональном училище разным специальностям — от каменщика и слесаря по ремонту автомобилей до оператора ЭВМ и машиниста котлов. Еще 24 человека грызут гранит науки в организованном на территории колонии филиале Северо-Западного технического университета.

Читатель, ты, наверное, заметил, что слишком благостная картина у нас получилась. Она противоречит образу, складывающемуся из жалоб, которые осужденные разных пенитенциарных учреждений шлют своим адвокатам или в правозащитные организации. Можно сказать, что ИК-5 — образцовая колония.

Просим учесть, что там содержатся первоходки. Преступившие не самые тяжкие статьи закона. И условия, которые для них создаются, реально нацелены на исправление. Их ограждают от влияния по-настоящему преступного элемента. Там нет больных туберкулезом, от которых в других колониях не избавиться, поскольку в стране существует только одна зона для осужденных, больных туберкулезом, — в Карелии. И мест там на весь имеющийся в пенитенциарных учреждениях подобный контингент, конечно, не хватает. А отдельные туберкулезные отряды — не панацея от заражения. В Металлострое, как мы уже говорили, близость к мегаполису обеспечивает осужденных работой.

Поэтому мы пока не пишем о безработных зонах. Вот, наверное, настоящая пытка, годами изо дня в день ничего не делать, вот где можно сойти с ума! Мы не пишем о голодных зонах, а такие, где даже пропитания из-за отсутствия работодателей и финансирования не хватает, не говоря уже об устроенности быта, еще существуют. Мы не пишем о зонах для рецидивистов и осужденных за преступления особо тяжкого характера. Это тема совсем другого исследования...

Видеопереговорная — новые технологии проникают и за решетку.